

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ МОТИВАЦИЯ БИБЛЕИЗМА «БЛУДНЫЙ СЫН» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.В. Шкуран^{1,2}

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Луганский государственный педагогический университет»
Россия, 291011, Луганская Народная Республика,
г. Луганск, ул. Оборонная, 2

² Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется функционированием библеизма «блудный сын» в русскоязычном информационном пространстве и является одним из важнейших предметов языкознания. Апелляция к такому виду библейского дискурса доказывает дидактический смысл Библии, которая имеет большое значение для миропонимания и мировоззрения русского человека. При прямом цитировании православного контента религиозное значение библеизма «блудный сын» сохраняется и демонстрирует притчевый смысл. В светском информационном пространстве этот библеизм употребляется в нравственно-бытийном и социальном значении, а структурно-семантическая трансформация первоисточника формирует различные способы и формы эмоциональных репрезентаций, выражает эмоции веры и надежды, сострадания, прощения, вины, радости и др. Он многогранно характеризует человеческое поведение и дает нравственную оценку субъекта, основываясь на предыдущий опыт Евангельской притчи.

Порождение и распознавание религиозных и нравственно-бытийных смыслов данной языковой единицы, систематизация в языковом сознании увиденного и услышанного, случайных и закономерных явлений и связей в информационном пространстве обуславливают дифференцированный подход к изучению эмотивно-оценочной мотивации библеизма «блудный сын», что позволяет наиболее объективно установить и описать феномен фразеологизмов-библеизмов в языке и культуре русского народа. Эмоциональные репрезентации исследуемой языковой единицы динамичные и многоуровневые, образуют конкретные модальности и являются универсальным показателем эмотивно-оценочной мотивации в информационном пространстве.

Ключевые слова: современный русский язык, информационное пространство, библеизм, эмоции, эмотивность, мотивация.

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации, проект № 1023082300034-0-6-2.1 «Русский язык и русская культура: воспитательный, дидактический и аксиологический аспекты» в рамках государственного задания и проведения фундаментальных научных исследований (приказ № 569 от 19.08.2024 Министерства просвещения России).

Введение

Российская лингвистика начала XXI века аккумулирует интегративные подходы для формирования полной языковой картины мира русского человека. Такой диалектический взгляд на многие лингвистические явления дает возможность комплексно исследовать проблематику многопланового отражения индивидуального восприятия окружающей действительности личностью и целым народом. Эмотивное состояние языковой личности, постоянно находящейся в русскоязычном информационном пространстве, требует систематизации языковых репрезентаций «тонких» эмоций и дальнейшего исследования эмоциональных концептов. Немаловажным также является концентрация внимания на потребности сегментирования эмоционального поля на основе фразеологических библеизмов. Такой интегративный подход к изучению библейских устойчивых единиц, вошедших в совокупность активных языковых единиц современного русского языка, позволяет им занять особое место в представлении эмотивно-оценочной мотивации на лексическом и фразеологических уровнях. К тому же, сопоставительные исследования эмоций разных русскоговорящих и англоговорящих культур языковых личностей зафиксировали национальные вербальные стереотипы, потому что через национальный характер и национальные стереотипы осуществляется экспликация национально-специфических ценностей и кодированные способы описания [1].

Изучением «эмоционального вопроса» за последние десятилетия занимаются лингвисты разных поколений и научных школ: Вежбицкая 1996 [2]; Кинцель 2000 [3]; Мягкова 2000 [4]; Перфильева 2000 [5]; Лазариди 2001 [6]; Красавский 2001 [7]; Голубкова 2002 [8]; Романов 2004 [9]; Балакина 2005 [10]; Калимуллина 2006 [11]; Шаховский 2008 [12]; Ленъко 2011 [13]; Попова 2013 [14]; Владимирова 2019 [15]; Ермакова 2022 [16]; Кожевникова 2024 [17] и др. По-прежнему существуют разногласия лингвистов по поводу критериев выделения эмотивных единиц языка, которые передают глубокие эмоциональные переживания человека. В своем исследовании Д.А. Романов пишет о том, что такие разночтения данной проблемы связаны с «чрезвычайной изменчивостью и подвижностью, в

субъективном же своем преломлении оно выглядит еще более масштабно» [9. С. 3].

Цель исследования – представить формы и способы эмоциональных репрезентаций фразеологического библеизма «блудный сын» в доказательно-практическом плане, т.е. в информационном пространстве, определить закономерности эмоциональных проявлений, представив их образцы.

Гипотеза исследования – эмоциональные репрезентации библеизма «блудный сын» динамичные и многоуровневые, образуют конкретные эмоциональные модальности и являются универсальным показателем эмотивно-оценочной мотивации в информационном пространстве.

Методы, принятые в работе, – метод теоретического исследования, лингвистического наблюдения над текстом, лексикографического отражения способов эмоциональных репрезентаций в словарях.

Необходимость изучения эмотивно-оценочной мотивации фразеологических библеизмов обусловлено, во-первых, экстралингвистическими факторами, во-вторых, физиологическими процессами языковой личности – месте и характере глубоких эмоциональных переживаний. Поэтому лингвистика, изучая систему знаков с семантическим содержанием, приспособлена дать семантическую интерпретацию эмоциональным явлениям.

1. Эмоции и оценки в коммуникативном процессе

Эмоциональное состояние человека определяет ряд доминантных и второстепенных эмоций, которые оставляют в памяти людей эмоциональный след. Любая стимуляция такой эмоции способствует воссозданию целостного образа. Он возникает в результате ассоциаций человека и чаще всего содержит переносное или образное значение слова. Отследить и выявить такие состояния достаточно сложно, а вот эмотивные функции высказываний в текстах возможно предположить или спрогнозировать. По мнению Е.М. Вольфа, эмотивность считается синонимом к слову оценочность, а эмоциональное соотносится с сенсорным видом оценки [18. С.42]. В.И. Шаховский вводит термин

«эмотивность», надеясь четко разграничить ее с экспрессивностью. Первое понятие он связывает с субъективной оценкой адресата, а экспрессивность – с усилением высказываний и их желаемым воздействием. Также ученый утверждает, что эмотивность является компонентом значения слова, т.е. элементом языковой системы, а второе понятие не входит в значение слова и возникает в результате употребления [19. С.46]. Н.А. Лукьянова разделяет другую точку зрения: «оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [20. С.55-56]. По мнению В.Н. Телия, «эмотивность в составе коннотации – это антропометрическое субъективно-оценочное отношение, основанное на эмоциональном осознании определенных квазистереотипов. Ученая называет эмотивно-оценочную модальность «нервом» экспрессивности [21. С.128-129].

Как видим, феномен эмоциональных номинаций продолжает быть предметом изучения, поскольку мнения лингвистов дополняют друг друга и формируют новые подходы в изучении семантики слов и фразеологизмов. «... у разных эмоций пороги максимальной и минимальной экстремальности различны: одна эмоция в максимальном проявлении сильнее, другая – слабее, однако крайние точки (экстремумы) сохранения модальности есть у всех эмоций» [18. С. 14]. Эмоциональные ситуации связываются с реальными историческими личностями или широко известными ситуациями. Таким типизированным образом становится библейский персонаж *блудный сын*.

2. Эмоционально-оценочная мотивация прилагательного *блудный*

Происхождение и значение слова «блудный» находится в области чувств, воспринимаемых с позиции личных эмоций, мировоззрения и т.д. По мнению А.В. Селяева, семантическая основа многих слов составляет эмоциональное оценочное значение, которое выражает субъективное отношение говорящего с позиции жизненного опыта [22]. Согласно словарю М. Фасмера, прилагательное «блудный» произошло от слова «блуд», во многих славянских языках сохраняет

дефиницию 'ошибка, заблуждение': ст.-слав. блждь порвѣа, укр. блуд, сербохорв. блуд – то же, словен. blôd 'ошибка', чеш. blud 'заблуждение', польск. błąd, род. п. błędu – то же, в.-луж. błud 'заблуждение', н.-луж. блуд 'блуждающий огонек' [23. С.177]. Эмоциональный признак этого слова возникает опосредованно с помощью органов слуха, зрения, осязания и отражается в дериватах *блудный*, *блудливый*, *блудливость*, *блудница*, *блудить*, *наблудить* и т.д. [24. С. 45].

Словарь В.И. Даля иллюстрирует двоякий смысл слова «блуд»: народный – 'уклонение от прямого пути' в прямом и переносном смысле; книжный, церковный – 'незаконное, безбрачное сожительство, любодейство', 'отпадать от истинной веры, впадать в раскол или ересь' 'пакостник', 'нравственно блуждающий'. К последнему значению приводится пример поговорки: *Блудный сын – ранняя могила отцу* [25. С.99]. Ср. словарь Ушакова: блуд 'половое распутство', блудный, *устар.* 'о сыне, вышедшем из повиновения родителям, порвавшим с родительским домом' и *шутл.* 'о члене какого-н. коллектива, не подчиняющемся его воле, действующем по-своему' [26. С. 110]. На основе сенсорных впечатлений в таких дефинициях отражается синкретичная эмоциональная оценка, которая из сферы религиозной двигается в нравственную и социальную.

Как видим, основа семантики слова «блудный» выполняет эмотивную функцию с тремя значениями – религиозным, нравственным и социальным.

3. Религиозное значение библеизма «блудный сын».

На славянский язык книги Священного Писания (Библии) были переведены просветителями Славянскими святыми братьями Кириллом и Мефодием около 865-875 гг., после принятия славянами христианской веры. Как пишет академик Д.С. Лихачев, «борьба Кирилла и Мефодия за национальную культуру славянства была теснейшим образом связана с идеями национального равноправия, за национальную взаимоподдержку славянских народов, против духа национальной исключительности» [27. С. 25].

Славянский перевод Святого Писания является копией точного перевода 70-ти толковников и сохраняет ту же пророческую богодухновенность. «Славянский

перевод Библии является эталоном, образцом для всех изданий, так как обладает совершенной точностью и неповрежденностью Священных текстов» [28. С. 221]. В этом славянском переводе Библия с X века перешла к нашим предкам и доныне употребляется в церковном богослужении Русской Православной Церкви. Такой средневековый интернационализм славянских народов оставил неоценимое духовное наследие.

В первых четырех книгах Нового Завета, составленных евангелистами Матфеем, Марком, Иоанном, Лукой, описывается жизнь и учение Иисуса Христа. С приходом Иисуса Христа в Евангельском учении излагаются иносказательные рассказы, а их более тридцати, которые связаны с тремя периодами общественного служения Христа. Рассказы получили славяно-русское название «притча» (греч. *παροιμία* *парá оїμος*), по словам Василия Великого, слово со значением 'припутное', изречение, которое служит указателем пути, направляет человека к благополучному течению жизни. Как видим, притча в устной форме излагалась для тех людей, которые нуждались в наставлении. Основное ее предназначение: глубокий смысл изречения связывать с аналогичными примерами из жизни.

Притча о блудном сыне излагается в 15-ой главе Евангелие от Луки и иллюстрирует сакральное значение истории взаимоотношений Отца (Бога) и сына. Иисус Христос на упреки фарисеев и книжников о дружбе с грешниками рассказывает несколько притч, одна из которых повествует о непослушном младшем сыне. Он, забрав у отца свою часть наследства, отправился в дальнюю страну и распутничал. Когда же он все потерял, стал нуждаться не только в деньгах, но и в пище. Ему пришлось пасти свиней на поле и видеть, как они поедают рожки. Придя в себя, он вспомнил об отце и подумал: «Сколько наемников (работников) у отца моего едят хлеб с избытком, а я умираю с голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: «Отец! Я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» [29. С. 254].

Младший сын решил вернуться к отцу с надеждой стать у него наемным работником. Завидя издали своего беспутного сына, отец побежал навстречу, пал ему на шею, целовал его и приказал слугам принести ему одежду, перстень на руку и обувь на ноги. По возвращении младшего сына был заколот откормленный теленок и устроено веселье. «Потому что этот сын мой был мертв и ожил; пропадал и нашелся». Старший же сын, преданный своему отцу и упорно трудившийся на поле, был поражен такой реакцией отца. Он не захотел идти и веселиться со всеми, но мудрый отец вышел к нему и позвал его: «Сын мой! Ты всегда со мной, и все мое – твое. А о том надобно было и тебе радоваться и веселиться, что брат твой был мертв, и ожил; пропадал и нашелся» (Лк 15: 11-32) [29. С. 254].

Притча в образной инсказательной форме с религиозным и морально-нравственным значением иллюстрирует духовную истину. Иисус Христос книжникам и фарисеям объясняет мало понятное для них поведение при помощи понятного примера. Образ отца, имеющего два сына, – это образ Бога, а образ блудного сына – кающегося грешника. На блудного сына похож каждый человек, который предается разгульной, бессмысленной жизни. Образумившись, человек искреннее раскаивается, со смирением и надеждой, что Бог простит. В притче вместе с ангелами Отец радуется возвращению своего сына. Старший же наследник своего отца олицетворяет верующего человека, который не должен завидовать Божией любви и не считать себя более достойным перед Богом, чем искренне покаявшийся «блудный сын» [28. С. 108 – 110].

Как видим из библейского текста, сакральный смысл фразеологического библеизма «блудный сын» содержит глубокое религиозное понимание, иллюстрирующее отношения человека с Богом. Яркий рассказ, взятый из жизни, запоминается на долгие годы, мотивирует к размышлению, углублению в его содержание, что в конечном итоге приводит к пониманию скрытой мудрости. Уникальность библейских притч заключается в том, что они не имеют срока давности, применимы в личной и общественной жизни, злободневны, наглядны и открывают связь между внутренним и материальным миром. В евангельском

тексте дается ответ на вопрос: «Почему Иисусом Христом выбрана притча?» Такая форма иносказания становится понятной для верующих христиан и скрытой для неверующих: «...для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» ([Мф.13:10-13](#); [Мк.4:10-12](#)) [29. С. 45-46; С.125].

Библейская притча о возвращении блудного сына к отцу вдохновила многих выдающихся художников (К. Антониссен, Х.в.Н. Рембрандт, Б.Э.Мурильо, И. Босх, М.Шагал и др.), писателей (А.С. Пушкин, Н.Гумилев, И.Бунин, С. Лема и др.), драматургов и киносценаристов (С. Полоцкий, С. Прокофьев, А. Кончаловский, А. Тарковский и др.). Как подчеркивает М.М. Дунаев, «в русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира» [30. С. 6], которые ищут эмоционально-нравственного отклика читателя. Ср. например: *Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю **блудного сына**. В первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами.* (А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Станционный смотритель) [31. С. 34]; *Кто не знает Антона Иваныча? Это Вечный Жид. Он существовал всегда и всюду, с самых древнейших времен, и не переводился никогда. Он присутствовал и на греческих и на римских пирах, ел, конечно, и упитанного тельца, закланного счастливым отцом по случаю возвращения **блудного сына**. У нас, на Руси, он бывает разнообразен...* (И. А. Гончаров. Обыкновенная история) [32. С. 132] и др.

Итак, евангельская притча о блудном сыне вызывает чувство надежды и благодарности как способа эмоционального благополучия, признания и милости высшей силы. Важной формой религиозной практики является произнесение благодарственных молитв, которая развивает позитивный взгляд на жизненные

трудности, оказывает влияние на психоэмоциональное и физическое здоровье. Смещение фокуса с негативных эмоций на позитивные приводит человека к удовлетворенности собственным состоянием.

Итак, внешняя трансляция носителям языка (языковым личностям) эмоционального состояния формирует определенное отношение к главному персонажу притчи и создает в национальной культуре «ходячую цитату» [27. С. 6] и эмоциональный концепт «блудный сын».

4. Нравственное и социальное значение библеизма «блудный сын» в информационном пространстве

Употребление библеизма *блудный сын* в письменных источниках светского содержания создает особую языковую среду – аккумуляцию глубоко религиозного смысла, перешедшего на нравственно-бытийный уровень и оценочное суждение, например, в заголовках интернет-изданий: *Блудный сын бандитского Петербурга* [33]; *Блудный сын и его брат* [34]; *Блудный сын Серебряков вернулся в Россию* [3]; *Блудный сын президента* [36] и др., и его трансформации: *Возвращение блудного сочинения* [37]; *Возвращение блудного мужа* [38]; *Возвращение блудного попугая* [39] и др. Такие модификации библеизма воспринимаются как семантически целостные и как свободные семантически разложимые словосочетания с «двойной актуализацией» [40. С. 42].

В.В. Виноградов в «Истории слов» связывает библеизм *блудный сын* не только с евангельской историей, но и с художественными произведениями русских классиков (А.С. Пушкин «Станционный смотритель», А. Н. Островский «Василиса Мелентьева», И.С. Тургенев «Отчаянный» и др.), в которых освещены жизненные истории людей разных сословий, разного пола, покинувших родной дом без родительского благословения, предавших своих близких людей, истративших отцовское наследство и др. Автор отмечает «семантическую и стилистическую недооценку старых фразеологизмов» [41. С.12], поскольку они динамично вошли в современный язык и приобрели место в эмоциональной шкале русского человека.

Понятийная категория нравственной оценки библеизма определяется симбиозом главных и второстепенных признаков. Первый признак иллюстрирует наличие оценочного компонента, который выражает отношение библеизма *блудный сын* к нравственным законам русского общества. Второстепенными мы называем экспрессивность и эмоциональность, а нравственное содержание заключаем в дефинициях, представленных в словаре К.Н. Дубровиной с пометой *шутл.-ирон.*: 1) непочтительный сын, вышедший из повиновения отцу и ушедший из родительского дома; человек, порвавший с семьей (каким-либо коллективом, группой, сообществом) в поисках иных занятий, новой среды и т.п. 2) беспутный, нравственно нестойкий человек [42.С. 50] и в словаре «Лепта библейской мудрости» с четырьмя дефинициями: 1) о сыне, вышедшем из повиновения отца; 2) о беспутном, нравственно нестойком человеке; 3) о раскаявшемся в своих заблуждениях и грехах человека; 4) о ком-либо, долго отсутствовавшем и наконец вернувшемся [43. С.152]. Ср. пример: *Ну, убиты, убиты совсем, а между тем и важность такая приличная на лицах сияет, солидность во взорах, этак что-то отеческое, родственное такое... блудный сын* воротился к нам, – вот куда пошло! (Ф. М. Достоевский. Ползунков) [44.С. 53]; *Остерегайте других, обороняйтесь – но не лишайте себя радости отца блудного сына, если вы в самом деле отцы!* (И.С.Тургенев. Хроника русского) [45.С. 154].

Такой дискурсивно-функциональный подход иллюстрирует разнообразные высказывания как результат речевой деятельности авторов в различных общественно-политических и культурно-исторических условиях. Как определяет Ю.С. Степанов дискурс «особое использования языка для выражения особой ментальности, особой идеологии, особое использование влечет активизацию некоторых черт языка, особую грамматику и особые правила лексики» [46. С.38-39].

Рассмотрим несколько примеров. В публикации «Нестор Махно: блудный сын революции» речь идет об исторической личности батька Махно с противоречивой идеологической и политической позицией, который был предводителем анархистов с репутацией «беспощадного революционера»,

«человека кипучей злобы дня» и огромным военным талантом, придумавшем «легендарную тачанку». В годы гражданской войны 1914-1918 гг., преследуемый Красной Армией, Нестор Махно выезжает в Румынию, позже Польшу, а затем во Францию. По всей вероятности, автор называет его блудным сыном по причине вынужденной миграции, а его любительская лирика содержит призыв к тому, что его идея «свободного творчества» «воспрянет в нужный час» [47].

В газете «Аргументы и факты» в статье «Блудный сын прибыл в Петербург» создается языковая интрига в ожидании идиозной персоны, но речь идет о премьере балета С. Прокофьева «Блудный сын» с хореографией Баланчина, которую освоили русские артисты Мариинского театра. Главным героем постановки стал 25-летний русский мигрант, «зацепившийся» в «Русском балете» в Париже, повторяет историю библейского сына – бедного и беспечного в чуждом обществе, однако дисциплинированного и обдуманного в поступках. Это становится «героическим вызовом всему слишком человеческому, хаотичному, подсознательному в модернистском XX веке» [33].

Как видим, вызванные эмоции читателя при ознакомлении с такой информацией единодушно связаны с заголовком публикации, которая формирует оценку и вызывает различные мнения. Они возникают не опосредованно, а являются продуктом мотивационной значимости той системы сигналов, которые определяют значимость библеизма «блудный сын» в новом контексте.

5. Имена эмоций в трансформированных выражениях с прилагательным «блудный»

Для определения имен эмоций необходимо понять различие в восприятии информации: является ли она эмоциональной или неэмоциональной? По мнению В. Вундта, любое воспринимаемое событие становится эмоциональным, поскольку «в момент восприятия оно является частью жизни индивида, не знающего беспристрастного состояния и во всем способного найти хотя бы незначительный оттенок интересного, неожиданного, неприятного и т.д.» [48. С.44]. Согласно

Р. Вудвортсу, эмоции возникают на основе когнитивных процессов и называются эмоциями-аффектами, которые сопряжены

невозможностью их избежать и производятся чувствами [49]. Существуют также традиционные взгляды на различие сферы познания и эмоций: принципиально на протяжении многих столетий познание было противопоставлено эмоциональным процессам. Такой интеллектуализм рассматривал эмоцию как результат взаимодействия когнитивных способностей и ощущений. Разнообразие обусловленности эмоций связано с потребностями (мотивацией) и особенностями ситуации. В нашем случае, на возникновение эмоций влияют ассоциации по сходству и времени, причинным связям, представлению о справедливости происходящего, сопереживанию и др. При употреблении библеизма «блудный сын» процесс познания управляет развитием эмоциональных процессов, которые регулируют сам процесс познания.

Рассмотрим примеры.

Статья «Возвращение блудного читателя» посвящена спасению старейшей сибирской городской газеты «Знамя». Редактор печатного издания рассказывает о способах возвращения читателей к печатной продукции региона. Газета сохраняет традиции качественного информационного материала, славится отсутствием перепечаток из «желтых таблоидов» и размещением новостных лент с местным материалом. Жесткая конкуренция между региональными печатными изданиями требует, по словам журналиста, объединения усилий издателей для «возвращения блудного читателя», который предпочитает «разнообразие однообразия стабильных изданий консервативного толка» [50]. Эмоциональная окрашенность трансформированного выражения «блудный читатель» определяет произвольное внимание и запоминание, влияет на воображение, фантазию и может внести изменения в мыслительные процессы и речь читателя.

В «Литературной газете» в статье «Возвращение блудного сатирика», речь идет об известном авторе юмористических эстрадных произведений Викторе Коклюшкине. Автор многих юмористических рассказов, плодотворно трудившийся на литературной ниве 60-70 гг. прошлого столетия, вернулся к серьезной сатире в романе «Убойная реприза». Поклонники его творчества обеспокоены исчезновением сатирика с эстрадных подмостков, хотя написанные

им тексты приносили популярность его исполнителям, а не самому автору. Выражение «блудный сатирик» созвучно библеизму с коннотацией 'литературное возвращение писателя из коротких зарисовок в серьезный жанр'. Из такого речевого решения следуют далеко идущие планы на семантическую трансформацию библеизма по причине возникшего желания, потребности и ценностям субъекта [51].

В интернет-издании статья «Возвращение блудного кота» описывает историю о путешествии сиамского кота Семена, точнее назвать прилудного домашнего питомца, подобранного хозяином в подъезде. Прижившись за два года в новой семье, кот во время семейного путешествия из Мурманска в Москву потерялся в мегаполисе, незаметно выпрыгнув из окна автомобиля. А через долгих шесть с половиной лет путешественник Семен нашел своих хозяев, преодолев расстояние почти в полтора тысячу километров. Внешне он образно напоминал библейского персонажа: облезлый, худой, с отмороженными лапами и без когтей. История «блудного кота» облетела всю страну, а в знак восхищения мужеством и преданностью домашнего питомца в Мурманске в 2013 г. был установлен памятник коту Семену. Как видим, эмоциональные побуждения смотивировали поведение мурманчан в специфической ситуации [52].

В одном из смоленских интернет-изданий описана история, связанная с возвращением «блудного дома» вместе с жильцами. Домовой актив «блуждал» между управляющими компаниями, которые обслуживали дом и придомовую территорию. «Поиск лучшей доли дома» – коннотация, отражающая данную трансформацию. Интересный сюжет пестрит фразеологизмами и пословицей: *положа руку на сердце, гладко стелют, да твердо спать, в надежных руках* и др., чем вызывают эмоциональную оценку в конкретном случае [53].

Как видим, такие изменения формы и содержания исследуемого библеизма приспособлены к требованиям текста, вносят экспрессию, делают сюжет выразительней и лаконичней, выполняя определенную социальную задачу – более эмоциональней и живее погрузить читателя в судьбу главных персонажей,

вызвать более эмоциональное воздействие с обобщенным значением 'возвращение домой'.

6. Эмоциональная модальность библеизма «блудный сын» в информационном пространстве

Эмоции сигнализируют о значимости происходящего и различаются по интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, генетическому происхождению, сложности, условиям возникновения, выполняемым функциям, форме развития, по потребностям и т.д. Немецкий лингвист В. Вундт предложил рассматривать эмоциональную модальность как градиентное составное свойство, определяющее соотношение трех его двухполюсных компонентов: удовольствия-неудовольствия, возбуждения-успокоения, напряжения-разрешения. Ученый продолжает идею о соединении, слиянии, суммации отдельных эмоций в более сложные эмоциональные преобразования [54].

Рассматривая эмоции, которые выходят в «действие», т.е. модальность, мы придерживаемся точки зрения о взаимообусловленности эмоции удовольствия-неудовольствия с побуждающим желанием-нежеланием проживать такую эмоцию.

В «НКРЯ» представлена диаграмма с частотой употребления библеизма «блудный сын», который занимает первую позицию в коллокации корпуса, после слов *бес, грех, отец, смысл, червячок* и др. Распределим особенности эмоциональных состояний таким образом:

- внутреннее беспокойство: *И что, будучи сам беспокойным баламутом и блудным сыном, он выискивает с надеждой признаки блудности в своих близких?* (Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)) [55].

- вера и надежда: *Правда, есть еще несколько бывших и будущих красавиц, благосклонных ко мне. Но лучше бы я был хуже для них, чем для себя. Правда, матушка – дай ей Бог здоровья! В общем, устроился... Блудный сын, возвращаюсь домой. Сорок лет назад меня сюда привезли, и вот проходит каких-то сорок лет, и я опять здесь! Оплот! Мне все еще есть «куда прийти» – это ли*

не итог. Мама у меня девочка. (Андрей Битов. Рассеянный свет (1981)) [55]; Сколько раз отец выходил на дорогу, на ту дорогу, по которой ушел его **блудный сын**, в надежде, что рано или поздно увидит его! (митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...») [55].

- прощение: *Еще несколько шагов – и в этом свете он увидит дом, и к нему, **блудному сыну**, подойдет мать, и он станет перед ней на колени, и ее молодые прекрасные руки лягут на его плешивую и седую голову.* (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989). [55]; *Его пожурили за трехмесячный прогул, но даже не вынесли выговора и выплатили зарплату, даже и полюбили его как-то за это, словно он доказал то, что от него давно требовалось, – принадлежность к роду человеческому. Его обласкали, облобызали, осыпали: **блудный сын**... Он прослыл оригиналом, прибавил к славе...* (Андрей Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного (1997-1998)) [55].

- радость: *О чем думал мой прадед Арн-Берш Гаммер, прознав, что по главной улице родного городка катит коляска с его блудным, пусть и не по собственной воле **блудным сыном**, облаченным в богатый мундир с золотыми эполетами?* (Ефим Гаммер. Живые зеркала // «Ковчег», 2014) [55].

- вина: *А ведь есть хасидская версия притчи, и там — послушайте, послушайте, это страшно интересно: там рассказывается, что в чужих странах **блудный сын** забыл родной язык, так что, вернувшись в отчий дом, не смог даже попросить слуг позвать отца.* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)) [55].

-сострадание: ***Блудный сын** пришел к отцу, когда ему стало совсем плохо.* (Фазиль Искандер. Понемногу о многом // «Новый Мир», 2000) [55].

Заключение

Священное Писание представляет большое поле научной деятельности для ученых-лингвистов. Апелляция к такому виду библейского дискурса доказывает дидактический смысл Библии, которая имеет большое значение для миропонимания и мировоззрения русского человека. На примере библеизма «блудный сын» мы убедились в том, что при прямом цитировании православного

контента религиозное значение сохраняется и демонстрирует притчевый смысл. В светском информационном пространстве библеизм «блудный сын» употребляется в нравственно-бытийном и социальном значении, структурно-семантическая трансформация первоисточника формирует различные способы и формы эмоциональных репрезентаций, выражает эмоции веры и надежды, сострадания, прощения, вины, радости и др. Он многогранно характеризует человеческое поведение и дает нравственную оценку субъекта, основываясь на предыдущий опыт Евангельской притчи. Первопричиной употребляемости библеизма и когнитивной интерпретации действительности являются внешние проявления эмоций – физиологические, контролируемые двигательные и речевые реакции. Эмоциональные репрезентации исследуемой языковой единицы динамичные и многоуровневые, образуют конкретные модальности и являются универсальным показателем эмотивно-оценочной мотивации в информационном пространстве.

В отличие от религиозных изданий, светский дискурс расширяет лексические характеристики библеизма и создает двойную актуализацию. Чаще всего она реализуется через замену компонента сын словами *муж, бес, дом, кот, грех, смысл* и др., сохраняя семантику слова «блудный».

Эмотивно-оценочная мотивация библеизма – это составное свойство проявления эмоций и степени их интенсивности (качественной, темпоральной и количественной) в семантике библеизма, которые популяризированы в современном дискурсе с более низким ценностным регистром для актуализации того семантического сегмента, который необходим адресанту в коммуникации.

В качестве вывода можно отметить, что библеизм «блудный сын» в информационном пространстве создает «особую речевую среду, в которой в понятие образцовости нормативного языкового средства включается значение признанности» [56. С. 162], стимулирующее соединение первоначального религиозного смысла и образной основы фразеологического библеизма.